Тайны. Большие и мелкие были основой просвещённого общества, каким его знало Средиземноморье. Явления, которые ускользали от всякого объяснения и доводили людей до безумных высот культивации в погоне за объяснением. Ни один человек, каким бы возвышенным он ни был, никогда не находил удовлетворительного ответа даже на малейшую из божественных тайн. Это были вопросы, которые мучили человечество с тех пор как были написаны первые истории.

Но мы всё равно преследовали их. Это было высокомерие, что двигало нами. Наша фундаментальная наглость в том, что посмотрев на глубочайшие сложности творения, мы решили, что они находятся в пределах нашего понимания. Возмущаться тем, что в этой жизни есть вещи, которые ещё не были известны нашему коллективному сознанию.

Культиваторы были не более и не менее чем звездочётами, отчаянно тянущимися к небу, пытаясь поймать божественность в наши руки. Это был единственный способ поднять космическую завесу. Единственный способ узнать.

То, что лежало на вершине Олимп Монс, было недоступно для глаз смертных.

Мы похищали новых посвящённых из их комнат, когда луна исчезла с неба, накрывая их головы кожаными мешками и утаскивая их с дальней стороны горного хребта. Многие запаниковали, споткнулись, даже падали. Старшие мистики всегда были поблизости, чтобы поймать их, хотя они получали подзатыльники за беспокойство.

Это был хаотический процесс, призванный дезориентировать новую кровь. Несколько мистиков несли барабаны, в которые они стучали, пока новые посвящённые, спотыкаясь, проходили мимо, и низкое пение доносилось с вершины горы до самых урожайных полей. Хаос дал им цель. Заставил их сосредоточиться на обрядах происходящих здесь и сейчас, а не на тех иллюзиях славы, о которых они мечтали после прохождения квалификационных испытаний.

Мы вели их вниз по горам и полям, пока запах земли и домашнего скота не сменился солёным запахом Ионического моря. На пляже стояла полоса огня, старшие посвящённые терпеливо ждали с факелами в руках и глиняными кувшинами, до краёв наполненными морской водой. Их глаза были яркими, подчёркнутыми алой краской.

Я швырнул Сола на песок, разминая плечо, пока он матерился. Один из старших посвящённых подошёл к нам, вышел из океанской отмели и протянул мне свой факел. Я взял его, ударив Сола по колену сзади, когда он попытался встать. Он прорычал ещё одно проклятие.

Старший мистик, мужчина на несколько лет старше меня с алыми волосами, колебался. Его глаза остановились на наручниках на запястьях Сола, на отрезанных половинках цепи, валявшиеся в песке. Он косо посмотрел на меня.

— Почему утренний прилив священный? — Я спросил его. Выражение его лица стало твёрдым.

— Потому что он первым встречает зарю, — сказал он и сорвал кожаный мешок с головы Сола.

Раздражённый Римлянин едва успел моргнуть до того, как старший опрокинул кувшин с солёной водой ему на голову. Он закашлялся и сплюнул, стряхивая морскую воду с глаз.

— Сын…

— Повторяй за мной…

— … шлюхи.

— Повторяй за мной! — рявкнул старший посвящённый. — Я постился. — Сол уставился на него.

— Скажи слова, раб, — приказал я ему. — Я не зря тащил тебя с этой горы.

— Я постился.

— Я выпил кикёин, — продолжал старший посвящённый, доставая из складок своего церемониального одеяния шкуру животного и протягивая её. Сол посмотрел на это с сомнением. Я вздохнул, вырвав его из руки мистика и сделав большой глоток из его содержимого. Духовное вино было сладким и крепким, с множеством пряностей.

Я бросил его Солу, и он неохотно выпил остальное. Его зрачки расширились.

— Я выпил кикёин.

— Тогда приготовься встретить зарю, — пропел мистик и повёл нас в море.

Первое знакомство человека с духовным вином всегда запоминалось. Особенно, если ему посчастливилось испытать это во время обрядов.

Сол преклонил колени в тёплых волнах, заворожённый, вместе со всеми другими новопосвящёнными, когда алое солнце пробило далёкий горизонт. Он выпил всё, кроме нечистого осадка на дне бурдюка, и я по опыту знал, что вся его сущность пылала в этот момент, его пневма течёт по его венам так, как он никогда раньше не чувствовал. Это был мощный резонанс даже для самых неразвитых культиваторов.

Для кого-то его уровня это было нечто поистине глубокое. Было действительно стыдно, что наручники ещё на нём. Я мог только представить как это должно было раздражать, чувствовать его пневму в таком состоянии, умоляющую дать ей волю и не иметь возможности добраться до неё.

Заря полностью пробилась сквозь волны. Обряды начались.

— Что заставляет тебя думать, что я хочу присоединиться к твоему культу? — спросил Сол позже, когда и младшие, и старшие карабкались обратно в гору. Вставая, ясноглазые, с зарёй. Его зрачки всё ещё были расширены, но он стряхнул дымку, наступившую от злоупотребления вина. Он был достаточно трезв, чтобы шутить.

— Почему ты думаешь, что у тебя есть выбор? — возразил я. — Будь благодарен. Только по моей милости ты станешь свидетелем одной из величайших тайн небес.

Он нахмурился, оглядываясь назад и поднимая руку против восходящего солнца: «Что мы должны делать два дня подряд?»

— Первый день больше о состоявшихся членах культа, чем о вас. — Я вынул мой собственный бурдюк из-под вина из складок церемониального одеяния, полностью выкрашенного в красный цвет с белой каймой по краям. Кикёин приятно обжёг горло. Сол настороженно посмотрел на него и покачал головой, когда я предложил ему глоток.

— Вы стали свидетелями своей первой розовой зари. Теперь мы возвращаемся в павильон, где вы увидите лучших культиваторов культа, стремящихся прославиться среди своих сверстников. Поистине вдохновляющее зрелище, — сказал я с кривой ухмылкой. — Есть три испытания, с помощью которых младший может продвинуться, по одному для каждого элемента трёхсторонней души.

Испытание логосом, тимосом и эросом. Разум. Дух. Голод.

— Что это за испытания? — спросил Сол, когда мы взбирались на вершину горы.

Я махнул рукой: «Посмотри сам». — Он резко остановился и посмотрел.

Розовая Заря была в состоянии войны.

Не было другого способа описать хаос, охвативший вершину горы, пока мы встречали зарю. Многие сотни мистиков, от юных гениев до взрослых старших, сцепились в буйной потасовке, которая началась в центральном павильоне и быстро распространилась на дорожки, соединяющие поместья. Прекрасные церемониальные туники и мантии были запачканы грязью и кровью, когда мистик сражался с мистиком, охваченные яростным рвением.

Две фракции сражались в центре хаоса. Шестнадцать человек, по восемь с каждой стороны, изо всех сил тянули верёвку толщиной с их предплечья. Хелькустинда, война на перетягивание каната. Мужчины обеих команд рычали и скрежетали зубами, мышцы заметно напрягались, когда каждая команда изо всех сил пыталась протащить самого дальнего члена другой мимо центральной точки павильона – раскрытой ладони безликой статуи фонтана.

Их окружила ревущая толпа, вооружённая кувшинами, полными кикёина. Когда человек начинал терять пар, толпа обливала его духовным вином, чтобы он мог восстановить свою пневму. Тем временем по краям павильона бушевали драки между мужчинами. Его чистый серый камень уже был скользким от крови и вина.

— Это безумие, — сказал Сол, широко раскрыв глаза.

— Это испытание духом, — поправил я. — Каждый мистик в Гражданском Царстве может принять участие и испытать себя против другого культиватора гражданского ранга. Старейшины за всем наблюдают, конечно. Повышение до статуса старшего определяется боевой доблестью, силой воли и выносливостью.

Наверху в павильоне с яростной решимостью закричал ослабевший член западной группы войны за канат. Он откинул голову назад, широко раскрыв рот, и его товарищи мистики были более чем счастливы угостить его обильным потоком духовного вина. Он проглотил столько, сколько смог и отряхнулся как собака. Глаза горят, мышцы напрягаются. Он удвоил свои усилия.

Слева от нас пролетел по воздуху младший мистик, яростно размахивая кинжалами в каждой руке. Сол двинулся, подхватил его в воздухе и швырнул на каменные ступени. Мальчик задыхался, схватившись за бок в агонии.

— Это вряд ли было необходимо.

— Он подошёл ко мне, — сказал Сол, толкнув мальчика ногой. Мистик застонал и жалобно

откатился от него. Я поднял бровь.

— Его бросили.

— Он подошёл ко мне, — повторил Сол. Он наблюдал как мимо проносились другие совершенно новые посвящённые, спешащие за своими старшими сопровождающими в поисках защиты от хаоса. — Что насчёт двух других?

— Ты!

А вот и его ответ.

— Испытание голодом, — сказал я весело, когда Херон прорывался к нам сквозь толпу сражающихся. Он был ещё не тронут, его церемониальное одеяние оставалось чистым. Хотя, скорее всего, ненадолго. Его пневма резко поднялась, когда он увидел Сола.

— Рабы должны находиться в комнатах, — огрызнулся он. — Наглая тварь. Я должен содрать кожу с твоей спины.

— Это не то как ты должен разговаривать с младшими, кузен, — упрекнул я. Голубые глаза расширились от ярости.

— Ты не можешь быть серьёзным. Ты хочешь запятнать Розовую Зарю своего отца этой грязью? — Херон ткнул пальцем в грудь Сола. Римлянин не двигался, и у него не было возможности использовать свою пневму, но взгляд его расширенных глаз показывал его намерения. Мой дорогой кузен искушал Судьбы. — Ты сошёл с ума, Лио!?

— Я думал, ты будешь доволен, — мягко сказал я. — Теперь ты можешь сказать, что это был будущий мистик, что избил тебя в цепях.

Наконец мой кузен нашёл свою мужественную сторону. Его лицо ожесточилось. Его руки ярко горели, когда он принял стойку панкратиона, полностью пренебрегая рабом.

— Есть определённые привилегии, которые предоставляются членам Розовой Зари по мере того как они получают известность, — объяснил я Солу, пожимая плечами и сбрасывая с себя церемониальное одеяние. Пояс из белой ткани вокруг моей талии удерживал их от полного падения. — Определённые преимущества. Очень привлекательные преимущества. — Выражение лица Херона не изменилось, но его пневма гневно вспыхнула.

— Человеку свойственно желать того, чего у него нет. Это испытание голодом. Во время обрядов он может взять это силой. Если сможет. — Я свирепо ухмыльнулся, широко раскинув руки перед моим кузеном.

— Хочешь мой статус? Попробуй взять его.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3099374